

● ПОМЯНЕМ

ГОРИ, ГОРИ, ЕГО ЗВЕЗДА...

Сегодня Петербург прощается
с народным артистом СССР
Борисом Штоколовым

ОН УМЕР на 75-м году жизни после операции. У певца были сложные отношения с Питером, городом, который, по мнению Штоколова, так и не признал его талант. Отпевать Бориса Тимофеевича будут в Андреевском соборе, а похоронят на Литераторских мостках Волкова кладбища.

Ради пения бросил авиацию

Борис Штоколов, за спиной которого были школа юнг на Соловках и служба на флоте в годы Великой Отечественной войны, страстно мечтал стать летчиком. Он поступил в среднюю спецшколу ВВС в Свердловске. Присутствовавший на выпускном вечере командующий Уральским военным округом маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков услышал редкий по красоте голос и сказал курсанту Штоколову:

- Таких в авиации много! Вы должны петь!

И несостоявшегося летчика откомандировали в Уральскую консерваторию.

«Я в Питере чужой»

На сцену Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова - нынешней Мариинки - Борис Штоколов впервые вышел в 1958 году. В роли Ивана Сусанина. Потом были партии Бориса Годунова, Демона, Мефистофеля, принесшие исполнителю зас-

луженную мировую славу. Его называли «басом всяя Руси». Когда на сцене Мариинки пел Штоколов, даже в царской ложе не оставалось свободных мест. Горячо любимый руководством Ленинградского обкома, он стал самым молодым в театре народным артистом СССР.

В минувшем году Борис Штоколов удостоился еще и народного ордена «Созидатель Петербурга». Получая награду, певец сказал:

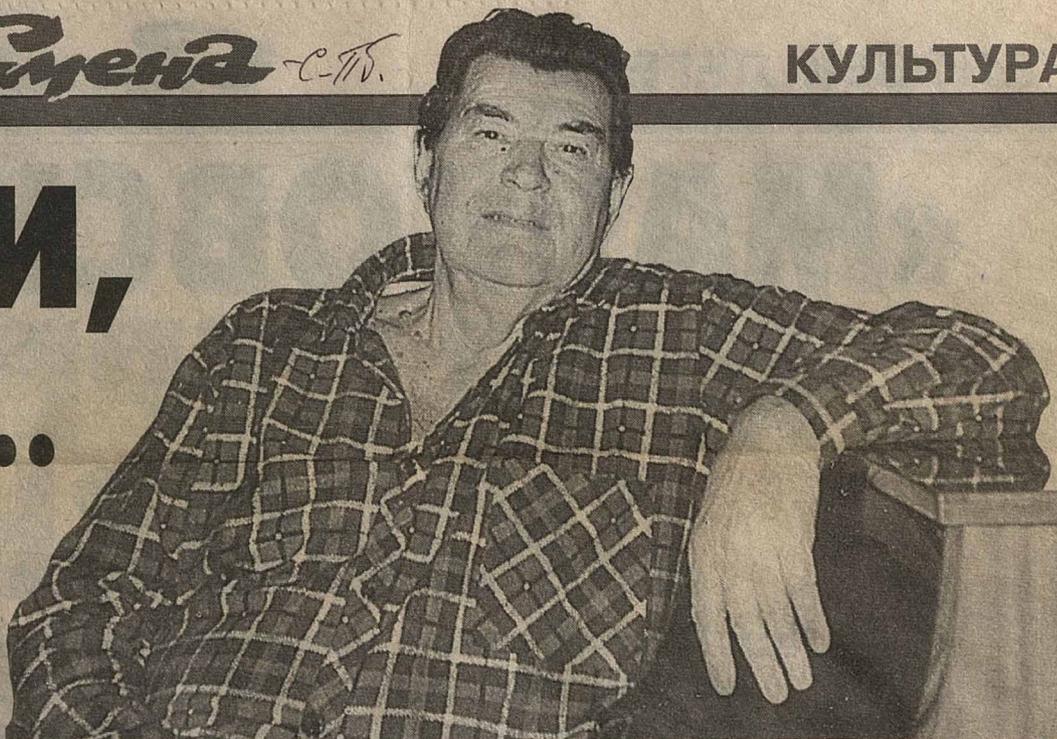
- Вы знаете, я все думал, что меня Питер не признал. Что я здесь чужой. И у меня до сих пор это сидит в голове.

В другой раз автору этих строк он говорил, что в Ленинград приехал только потому, что пригласили:

- Для певцов это нежелательный город, здесь ужасный климат. То же самое - Нью-Йорк, Сингапур. Конечно, если бы меня сразу позвали в Большой театр, я бы выбрал Москву. Но это случилось только в 70-м году, когда уже было поздно...

Готов был петь в подвалах

Потом Борис Штоколову пришлось уйти из оперного театра. Прославленную сцену Мариинки он вынужден был сменить на непрестижные концертные площадки. Но везде, где пел Штоколов, были постоянные аншлаги. Однажды ему предложили спеть в немецкой кирхе. Согласился. Скорее для того, чтобы проверить, как на восьмом десятке звучит голос.

Еще в начале декабря он выглядел вполне здоровым

- Думал, придет 50 человек, ну 100, - делился он потом, - а явилась тысяча слушателей - приступом брали кирху! К своему слушателю при нашей сегодняшней нищете я готов спускаться и петь даже в подвалах! От пения я сам получаю огромное удовольствие. Но мне всегда казалось, что я плохо умею петь, что я еще не владею голосом.

Главный секрет певца

Штоколов признавался автору этих строк:

- Я фанатик звука. Всю жизнь я посвятил изучению его происхождения, извлечения. «Вы пойте, а правильное дыхание само к вам придет!» - внушают студентам-вокалистам практически во всех консерваториях мира. И только гений вокала Карузо оспаривал этот глубоко ошибочный постулат: «Вы не можете петь, потому что не знаете, как это делается!» Карузо считал, что каждый певец должен прежде всего изучить себя, образно выражаясь, залезть к себе в глотку. Мои умозаключения и моя практика показали, что в пении, оказывается, необходимо противоестественное дыхание. Для того чтобы голос летел вверх, должен срабатывать «ракетный принцип»: двигатели работают в про-

тивоположную полету сторону! Мне можно возразить: но ведь поют же выпускники консерваторий, и как поют! Да, поют - пока молодые! Перешагнувших полувековой рубеж на оперной сцене почти никого нет! Я, может быть, потому в свои «за семьдесят» еще пою, потому что, как мой Фауст, всю жизнь провел в «лаборатории», которой для меня были и оперная сцена, и концертные площадки, и мой дом. Больше скажу, я пришел к выводу: голос не имеет старости! И определил для себя основные жизненные задачи: долголетие и долгопение!

Неудачная операция?

2 декабря прошлого года во дворце Белосельских-Белозерских чествовали кавалеров орденов «Звезда созидания» и «Созидатель Петербурга». Борис Штоколов в праздничном концерте исполнил «Камаринскую» и несколько романсов. И, конечно же, на бис - «Гори, гори, моя звезда». Голос его звучал как далеко не у каждого молодого вокалиста. Был он бодр и улыбчив. Разве что за последние годы исхудал.

При скорбном известии: «После тяжелой продолжительной болезни...» первая мысль была: «Какая болезнь?!» Более похо-

жим на правду казалось уточнение: «После операции у него остановилось сердце...»

«Люди чувствуют мою русскую душу»

В конце жизни маршал Жуков писал Борис Штоколову: «Дорогой Борис! Очень рад, что Вы стали для советского народа Первой Звездой!..»

Штоколов был артист с явно выраженной гражданской позицией. Пытаясь объяснить народную любовь, он говорил:

- Я честный певец. Я не пою под фонограммы. Я и в микрофон пою честно - своим голосом, своей грудью, своими связками, своим дыханием. Я не могу, подобно фонограммщикам, давать по два-три концерта в день. Еще, думаю, людям может нравиться во мне то, что я всегда искренний. И что я люблю Россию! И правду! И боюсь ее говорить. Люди чувствуют мою русскую душу.

Отныне его голос остался только в записи. В том числе и романс, который так, как Штоколов, не спел никто, да, наверное, и не споет, - «Гори, гори, моя звезда»:

«Умру ли я - ты над могилою
гори, сияй, моя звезда!..»

Владимир ЖЕЛТОВ

Фото автора